

UNITED WISDOM

Деньги, границы, должности: как существуют социальные реальности

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W43 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Деньги, границы, должности: как существуют социальные реальности

Эпиграф

> *нечто долговечное, что люди могли бы хранить без порчи*

Фрагмент предложения Локка, «Второй трактат о правлении», V, §47, обсуждение использования денег. Собственный перевод авторов статьи с указанного английского текста; это часть аргумента, не полное определение валюты.

О чём эта статья

Кусок бумаги можно взвесить, но его роль пропуска или денежного знака не объясняется одним весом. Линия на плане может обозначать границу, а человек с ключом — выполнять поручение, однако чернила и ключ сами не сообщают, кто признал правило и на что оно распространяется. Такие различия помогают обсуждать социальные реальности: они связаны с людьми, материальными предметами, действиями и установленными отношениями. Зависимость от признания не делает последствия вымышленными, но и одно произнесённое название не создаёт любую желаемую власть. Статья рассматривает ограниченные фрагменты Локка и Гоббса, а также издательский отрывок работы Серла. На вымышленном примере сообщества мы различим предмет, правило, запись, поручение и возможность исполнения. Это философский разбор, а не правовая инструкция или оценка настоящих денег и границ. Его задача — точнее назвать, что существует, благодаря каким отношениям и где заканчивается наш вывод.

I. Что видно в предмете и чего в нём не прочитать

Представим небольшое вымышленное сообщество, которое собирается в комнате и обменивается книгами. На столе лежит деревянный жетон. Его цвет, размер и трещину можно описать независимо от назначения на встрече. Но вопрос «даёт ли он право взять книгу?» обращён к другому отношению. Возможно, участники согласовали такое использование; возможно, это старый сувенир; возможно, правило действовало только вчера. Вещь сохраняет свойства, а её роль требует дополнительных оснований. Назвать предмет жетоном ещё недостаточно, чтобы восстановить эти основания. В нашем примере они заданы авторами, а не обнаружены в исследовании реального сообщества.

Различение не означает, что материальная сторона безразлична. Жетон может потеряться или сломаться. Книга может отсутствовать, а комната — стать недоступной. Даже признанное правило не доставит предмет, которого сейчас нет. С другой стороны, наличие предмета не подтверждает разрешение пользоваться им. Физическая возможность и признанное основание действия могут разойтись. Человек способен открыть дверь подходящим ключом, но из этой способности не следует, что он действует по поручению группы. И наоборот, поручение открыть комнату не создаёт у него ключа. Полезно спросить об обеих сторонах, не принимая одну за ответ о другой.

Социальный вопрос возникает именно в отношении предмета к людям и действиям. Кто признаёт его роль? В какой ситуации? Что считается исполнением и что происходит при отказе? Здесь не нужно сразу доказывать единую теорию всех обществ. Можно начать с малого различения в доступной истории. Если один участник назвал собственный жетон универсальным пропуском, само название не делает это правило общим. Если остальные договорились о конкретном использовании, их договорённость тоже имеет границу: она относится к выбранной встрече и её условиям. Расширение за эту границу требует отдельного основания, а не более торжественного имени вещи.

II. Зависимость от людей не равна отсутствию реальности

В доступном издательском отрывке статьи «Что такое институт?» Серл ставит вопрос о различии экономической и физической области: исследуемая экономическая реальность связана с человеческими убеждениями и установками. Здесь прочитан только этот отрывок, не полная теория автора. Он позволяет начать обсуждение зависимости, но не приписывать Серлу все дальнейшие выводы нашей истории. Мы можем спросить, что изменится, если участники перестанут признавать роль жетона. Дерево останется деревом, однако прежнее основание обмена может исчезнуть или стать спорным. Это авторский пример к вопросу, а не проверка целой философской системы.

Зависимость не означает, что вчерашние последствия можно отменить мыслью. Если книга была передана, она теперь находится у другого человека. Если участник потратил время на выполнение поручения, время уже прошло. Если кто-то отказал в доступе, другой мог пропустить встречу. Наш пример вымышлен, но различение ясно в его условиях: отношения, определённые людьми, могут направлять реальные действия с материальными последствиями. Слово «условность» не должно тайно означать «ничего не случилось». Оно может относиться к основанию роли, а не к отсутствию произошедшего. Требование признания и фактичность результата отвечают на разные вопросы.

Не следует также превращать зависимость от людей в обещание полной свободы каждого участника. Один может не соглашаться с правилом, но столкнуться с отказом

других выдавать книгу. Кто-то может иметь больше возможности определять условия. Возникновение правила, его признание, справедливость и возможность отказа — разные темы. Они не решаются одной фразой о коллективности. В нашей комнате стоит отдельно назвать, кто предложил правило, кто согласился, кого оно затрагивает и какие варианты участия остаются. Такое описание не удостоверяет моральную правильность отношений. Оно делает видимыми основания, по которым затем можно обсуждать и последствия, и необходимость изменения.

Есть и различие между существованием отношения и знанием о нём. Новый посетитель может не знать условия обмена. Из его незнания не следует, что участники вообще ни о чём не договорились. Но прежняя договорённость не сообщает автоматически, какое ожидание разумно адресовать именно новичку. Для него нужно доступное объяснение, а для оценки ситуации — сведения о границе участия. Поэтому фраза «все понимают» требует осторожности даже в маленькой группе. Что известно старым участникам, что сообщено новому и что принято им самим — три разных положения. Наш пример не выбирает обязательный ответ за каждое сообщество. Он показывает, что личное знание, общая практика и область действия правила не совпадают по одному названию.

III. Долговечная вещь и согласованное использование

В §§46–50 главы V «Второго трактата» Локк обсуждает порчу и сохранение вещей, а затем деньги, долговечные предметы и согласованное использование в обмене. В §47 выбранная короткая фраза относится к вещи, которую можно хранить без порчи. Это историческое философское рассуждение о собственности и деньгах. Мы не принимаем его за проверенную единственную историю возникновения всех валют. Не переносим и колониальные характеристики соседнего текста на современные общества. Ограниченное чтение помогает поставить вопрос: материальное свойство может облегчать определённое использование, но само не равно общему признанию ценности и правил обмена.

Наш деревянный жетон тоже можно хранить. Но из этого не следует, что всякая долговечная вещь автоматически становится средством обмена. Участники должны знать, что они готовы за него сделать. Один согласился дать книгу на неделю, другой готов принять жетон только после следующей встречи, третий никогда его не принимал. Эти условия важнее красивого названия. Если мы называем жетон условным средством обмена внутри истории, нужно сохранить именно эту ограниченную область. Мы не заявляем, что он является настоящей валютой, законным платёжным средством или обещанием любой услуги. Подобные реальные статусы не установлены нашим вымышленным соглашением.

Даже внутри примера сохранность дерева не гарантирует сохранность отношения. Правило может измениться, собрание — прекратиться, а человек, обещавший книгу, — отказаться или не иметь её. Материальное долговечие и устойчивость обязательства не совпадают. Можно хранить прежний знак после исчезновения прежней возможности. Поэтому вопрос «почему эта вещь имеет значение?» полезно дополнить вопросом «какое действие сейчас возможно на указанном основании?». Не каждое расхождение означает обман. Иногда изменилась ситуация или стороны по-разному помнят договорённость. Для выяснения нужно вернуться к условиям, а не объявлять знак неизменно всемогущим или изначально пустым.

IV. Запись обозначает отношение, но нуждается в основании

Условная группа записала, что один жетон позволяет взять одну доступную книгу до следующей встречи. На бумаге стоят подписи двух участников. Такая запись помогает восстановить формулировку. Но она не отвечает автоматически на все вопросы: кто имел право согласовать условия, распространяются ли они на чужие книги, участвовал ли новый посетитель, что означает доступность? Точная запись и достаточное основание её действия различаются. Копия документа может повторять слова без восстановления обстоятельств. В нашей истории нет настоящего договора и правовой оценки подписей; есть авторский пример того, что отношение не сводится к видимым буквам.

Представим, что в список по ошибке внесли книгу, которой в комнате никогда не было. Запись остаётся реальным предметом, но обозначенное ею наличие может быть неверным. Поэтому социальный статус документа не делает каждую его строку истинной. Иногда нужно проверить предмет, иногда — право участника внести строку, иногда — установленное значение записи. Если назвать все эти вопросы одним словом «официально», ошибка станет менее заметной. Исправление тоже требует области: убрав неверное название книги, группа не обязательно отменяет всё правило обмена. Полезно установить, какая именно часть отношения нуждается в уточнении.

Обратный случай также возможен. Человек действительно передал книгу, но запись не обновили. Тогда отсутствие строки ещё не означает отсутствия события. Нужно искать подходящее подтверждение, а не выбрать бумагу или память как безусловный ответ на всё. Внутри нашей истории можно сравнить запись, рассказ участников и нынешнее расположение вещи. У каждого материала есть своя задача и предел. Такая сверка не создаёт универсальной процедуры разрешения реальных споров. Она показывает, почему материальный след, факт действия и признанное отношение нужно различать, даже если в повседневной речи они выражены одним коротким названием.

Иногда запись не только описывает прежнее, но и фиксирует новое решение. Если группа сегодня согласовала другой срок возврата, бумага может обозначать именно это

изменение, а не сообщение о старом событии. Тогда проверяется другой вопрос: состоялось ли названное решение и к чему оно относится? Строка «срок изменён» и строка «книга уже возвращена» выполняют разные задачи. Первая может выражать установленное условие, вторая сообщает о действии с предметом. В нашей истории наличие одного не удостоверяет другого. Это различение помогает избежать двух ошибок: принимать объявленный порядок за уже выполненное действие и считать всякую запись всего лишь нейтральной копией прошлого. Чтобы понять роль документа, нужно узнать, какое отношение участники им обозначили.

V. Должность отличается от человека и от способности

В главе XVI «Левиафана» Гоббс различает лицо, действующее от себя, и лицо, представляющее слова или действия другого. Рассуждение включает отношения автора, действующего лица и полномочия. В прочитанном ограниченном фрагменте действие по поручению рассматривается в его пределах. Это историческая политическая философия; статья не принимает её систему как современное право или безусловное моральное разрешение подчинения. Она использует вопрос о представлении: когда действие одного человека можно относить к другому или к группе и на каком основании? Короткая цитата о пределах поручения сохраняет этот контекст, вместо превращения в универсальный ответ.

В нашей комнате участницу попросили открыть помещение и вести список книг. Можно назвать это ролью хранителя встречи, если группа использует такое название. Но название не разрешает автоматически менять каждое правило или распоряжаться личными вещами посетителей. Роль нужно описать через порученные действия. Физическая способность переставить чужую сумку не устанавливает признанного основания так поступить. Личное мнение хранителя тоже не становится общим решением лишь благодаря должности. При этом сама участница не исчезает за ролью: у неё остаются собственные вопросы, согласие или отказ. Должность обозначает отношение, а не исчерпывает человека.

Граница особенно заметна при смене исполнителя. Новый человек может получить ключ, но не получить список условий. Он может помнить прежние правила, но не иметь нового поручения. Продолжение роли требует выяснить, что именно передано. Иногда достаточно общего ясного решения участников; иногда в нашей истории остаётся спор. Мы не решаем реальные правила назначения на должности таким примером. Мы различаем предмет передачи, основание представления и объём действий. Тогда фраза «он теперь главный» перестаёт скрывать несколько отдельных вопросов. Уточнение не обязано разрушать совместную работу; оно может сделать понятнее, кто и какую её часть выполняет.

VI. Предел поручения виден в конкретном действии

Участники попросили хранителя подтвердить, какие книги находятся в комнате. Он отвечает, что одна книга есть, и добавляет, что владелец согласен её отдать навсегда. Первое утверждение может входить в поручение, второе — требовать отдельного основания. Объём полномочия не проверяется одной общей подписью под сообщением. Нужно назвать действие: подтвердить наличие, сообщить чужое согласие, изменить срок или передать вещь. Наш пример не устанавливает юридического результата такого сообщения. Он помогает увидеть разницу между действием в рамках роли и добавленным утверждением, которое роль сама не подтверждает.

У Гоббса вопрос пределов связан с его рассуждением об авторизации и отнесении действий. Наш современный читательский вопрос уже: какое поручение было названо и что именно произошло? Это сознательное ограничение, а не пересказ всей теории. Даже если действие уложилось в принятое поручение, остаётся возможность обсуждать, справедливы ли сами условия. И наоборот, разумная личная инициатива не превращается автоматически в официальное решение группы. Основание представления и оценка поступка могут совпасть, но требуют разных аргументов. Не стоит использовать одно вместо другого только потому, что оба вопроса касаются того же человека.

Если возникло расхождение, группе полезно восстановить условия и дать участникам возможность пояснить понимание роли. Ошибка записи, неоднозначное поручение и сознательное расширение действий — разные возможные объяснения. До проверки не нужно выбирать самое обвинительное. Можно уточнить будущее действие: кто подтвердит согласие владельца, кто обновит список и когда остальные узнают об изменении. В нашей вымышленной истории это авторское предложение о разговоре. Оно не обещает решить каждый институциональный конфликт и не требует принимать всякую существующую власть. Малое уточнение касается определённого отношения и сохраняет возможность обсуждать более широкий порядок отдельно.

VII. Граница указывает, какое различие действует

На полу комнаты проведена линия: по одну сторону участники складывают книги для обмена, по другую — личные вещи. Физически можно перешагнуть её. Но значение линии относится к правилу использования пространства. Если линия стёрлась, договорённость не обязательно исчезла; если появилась новая отметка, правило не обязательно изменилось. Нужно спросить, кто сообщил назначение и какая область имеется в виду. Здесь граница — авторский пример внутри помещения. Он не описывает настоящие государственные границы, их историю или правовой статус. Перенос вывода на такую область потребовал бы совершенно других свидетельств и вопросов.

Различие можно поддерживать и без линии, например расположением двух столов или понятным участникам названием зоны. Материальные средства меняются, а назначение может сохраняться. Однако новое обозначение способно создать путаницу у посетителя, который прежнего правила не знает. Тогда вопрос касается не только наличия признания, но и доступности объяснения. Участник может случайно положить личную книгу на общий стол. Это ещё не сообщает, что он согласился её передать. В нашем примере разумно уточнить действие и намерение, вместо превращения положения предмета в полное подтверждение чужого согласия.

Полезно различать границу значения и границу физической возможности. Запертая дверь ограничивает доступ, но сама не объясняет, почему она заперта и кто принимает решение. Нарисованная линия обозначает область, но не удерживает вещь. Условия общего пользования тоже могут оказаться спорными. Эти различия не делают всякую границу необязательной и не удостоверяют каждую существующую границу. Они помогают сформулировать вопрос: мы обсуждаем препятствие, признанное правило, причину его установления или справедливость применения? Без такого вопроса возражение о чернилах легко принять за ответ о правах, а указание на правило — за объяснение всех его последствий.

VIII. Согласие, действие и справедливость не совпадают

У Локка в выбранном рассуждении деньги связаны с согласием на их использование и с возможностью увеличивать владение долговечным средством. Это часть определённого философского обоснования собственности. Наше чтение не подтверждает, что любое сегодняшнее денежное отношение возникло из свободного согласия всех затронутых людей. Исторический аргумент, описание действующей практики и моральная оценка требуют разных оснований. В вымышленной группе мы можем специально задать согласие участников как условие примера. За его пределами нельзя просто объявить согласие обнаруженным потому, что знак используется или правило исполняется.

Один посетитель соблюдает условия, потому что они ему подходят. Другой — потому что только так получает доступ к комнате. Третий не знает другого порядка. В рамках нашей истории это разные возможные положения, а не измеренные мотивы реальных людей. Само повторение действия не устанавливает одинаковое отношение участников к нему. Если важно обсуждать справедливость, стоит спросить о возможности участия, отказа, пересмотра и последствиях. Эти вопросы предложены авторами статьи. Они не извлекаются как готовый общий ответ из одного исторического текста и не требуют заранее объявить все отношения справедливыми или несправедливыми.

Несогласие тоже имеет предел вывода. Если человек отказался принимать жетон, это не обязательно отменяет его использование всеми остальными. Но отказ может показать,

что область общего признания была описана слишком широко. Вместо утверждения «это действует для каждого» получится более точное «это принято между названными участниками на этих условиях». Такая поправка не ничтожна: она меняет, кому можно адресовать ожидание. Человек остаётся человеком при отказе от роли или обмена. Его достоинство нельзя поставить в зависимость от признания конкретного правила. Это современная авторская этическая граница, а не установленная нами историческая норма всех институтов.

IX. Изменение требует понять, что именно меняется

Предположим, группа решила отказаться от жетонов и вести запись устно. Материальные вещи сохранятся, но их прежняя роль изменится. При этом остаётся вопрос о книгах, уже взятых до изменения. Новое обозначение не возвращает их автоматически. Нужно отдельно обсудить прежние действия, нынешние отношения и будущие условия. Наш пример не устанавливает обязательный порядок для реальных договоров. Он показывает, почему изменение знака, изменение правила и устранение последствий — разные задачи. Если смешать их, простой переход может получить обещание, которого никакое название само выполнить не способно.

Можно изменить исполнителя роли, оставив условия прежними. Можно изменить условия, сохранив того же исполнителя. Можно исправить одну ошибочную запись, не меняя роль вовсе. Для каждого случая нужен собственный вопрос. Что группа решила? Кто об этом знает? На какие действия решение распространяется? Какие предметы или обстоятельства остаются прежними? Различение помогает не увеличивать маленькую поправку до полной отмены порядка и не уменьшать значимое изменение до замены подписи. В вымышленном сообществе ответы могут быть простыми. В других ситуациях понадобятся соответствующие источники, поскольку наш пример не даёт готового знания о всякой организации.

Есть и несовпадение решения с возможностью. Группа может объявить новое помещение местом встречи, но не получить туда доступа. Тогда социальное обозначение существует как принятое предложение, а собрание ещё не состоялось. Назвать это различие полезнее, чем объявить решение несуществующим или встречу уже проведённой. У отношений бывают разные состояния: предложено, признано, выполнено, оспорено. Здесь это рабочие слова для нашей истории, не универсальная классификация. Они сохраняют связь значения и действия, позволяя видеть, какая часть изменения состоялась и какая нуждается в дальнейшем основании или фактическом исполнении.

X. Реальность отношений и свобода их обсуждать

Деньги, границы и должности различаются по назначению и по области действия. В статье они сопоставлены на уровне вопроса о предмете и отношении. Долговечная вещь не сообщает всей ценности, знак не сообщает всего правила, способность не сообщает всего поручения. При этом человеческое установление отношений может направлять действия с действительными последствиями. Чтобы понять конкретный случай, нужно назвать материальную сторону, участников, условия, записи и произошедшее. Это ограниченный философский способ постановки вопроса. Он не заменяет историю, право, экономическое исследование или проверку фактов о настоящем институте.

Локк помогает поставить вопрос о сохранности и согласованном обмене внутри его аргумента о собственности. Гоббс — вопрос о представлении и пределах авторизации внутри его политической философии. Издательский отрывок Серла — вопрос о зависимости институциональной области от человеческих установок. Их нельзя сложить в утверждение, будто три автора согласовали единственную современную теорию. Различия остаются видимыми, а наши жетоны, комната и хранитель служат оригинальным примером. Сопоставление достаточно для начала разговора, если не выдавать его за полный обзор школ и не скрывать ограничение прочитанного материала.

Участники вымышленной группы могут продолжить обмен, изменить условия или отказаться от него. Каждый вариант требует понять, что именно предлагается и кого затрагивает. Возможность обсуждать отношение не означает, что все его последствия уже исчезли. Реальность последствий не означает, что отношение нельзя пересмотреть. Между этими утверждениями остаётся место для точного вопроса и свободного решения. Человек способен признавать значение общего порядка и одновременно спрашивать об основании отдельного действия. Социальная роль тогда становится понятнее, не поглощая всю личность, а общий знак — полезнее, не получая необъяснённой власти над каждым следующим шагом.

Что это значит на практике

Выберите небольшую знакомую ситуацию: очередь, читательскую встречу или поручение открыть комнату. Назовите материальный предмет и его предполагаемую роль отдельно. Затем спросите, кто признаёт эту роль, для какого действия и на каких условиях. Не переносите ответ на другую организацию без подходящего основания.

Запишите четыре короткие строки: что физически доступно, что установлено как правило, что зафиксировано в записи и что действительно сделано. Если строки расходятся, определите один вопрос для уточнения. Отсутствие предмета, ошибка

строки, неясное поручение и несогласие с условием могут требовать разных разговоров. Не выбирайте обвинение до выяснения фактов.

Отдельно назовите своё предложение: сохранить правило, уточнить его или обсудить изменение. Проверьте, затрагивает ли оно чужую вещь, согласие или роль, и оставьте человеку возможность ответить. Это добровольная авторская практика философского различения, не правовая процедура, финансовая оценка или измеренная техника улучшения сообщества. Возможный результат — более ясное описание отношения и следующего вопроса. Если ситуация касается настоящего договора, должности или публичной границы, нужны источники и компетенции соответствующей области; этот вымышленный пример их не устанавливает.

Ключевая цитата

> *в пределах их поручения, но не далее.*

Фрагмент Гоббса, «Левиафан», XVI, в предложении о действующих в пределах комиссии и отнесении их действий. Собственный перевод авторов статьи с английского текста; историческая область представления сохранена.

Связи между традициями

1. **Локк / Гоббс:** согласованное использование долговечной вещи и представление по поручению позволяют обсуждать отношения между людьми. Собственность, обмен и авторизация сохраняют разные вопросы и исторические системы.

2. **Локк / отрывок Серла:** значение вещи связано с человеческим использованием. Исторический аргумент о деньгах не становится проверенной историей всех валют, а издательский отрывок не заменяет полный анализ институтов.

3. **Гоббс / наш хранитель:** предел поручения помогает назвать объём роли в авторском примере. Историческая политическая философия не устанавливает нынешнее право или моральную обязательность каждого приказа.

4. **Отрывок Серла / наша комната:** зависимость отношения от людей отличается от отсутствия последствий. Это ограниченное сопоставление; следующие жетоны, записи и границы — наши, не изложение всей теории Серла.

5. **Три источника / свободное обсуждение:** материальная сторона, отношение, запись и действие различены авторами статьи. Добровольная практика и этическая граница достоинства не выдаются за общий согласованный вывод трёх философов.

Первоисточники

1. Локк. «Второй трактат о правлении», V, §§46–50; английский текст Project Gutenberg. Прочитан ограниченный аргумент о сохранности, деньгах и согласованном использовании.

2. Гоббс. «Левиафан», XVI, начальный ограниченный фрагмент о лице, представлении и поручении, включая предел комиссии. Английский текст Project Gutenberg; не полный трактат и не современное право.

3. Серл. What is an institution? Journal of Institutional Economics, 1(1), 2005, с.1–22, DOI10.1017/S1744137405000020. Прочитан только полный издательский отрывок в поисковом показе; весь текст статьи не получен.

Теги

социальная реальность, деньги, граница, должность, правило, признание, отношение, предмет, запись, действие, поручение, полномочие, представление, авторизация, согласие, отказ, справедливость, материальная возможность, долговечность, обмен, Локк, Гоббс, Серл, институт, сообщество, личное достоинство, изменение, последствия, свобода участия, философская практика

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.